

ВАЛЕНТИН ПАНОВ

ХАКЕР В ЗОНЕ

ПОДЗЕМЕЛЬЯ
ТАРКОВА

18+

КНИГА ТРЕТЬЯ

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Подземелья Таркова

«Автор»

2026

Панов В.

Хакер в Зоне: Подземелья Таркова / В. Панов — «Автор», 2026

Четыре года Тарков живёт в кольце оцепления. Порт вмёрз в лёд, залив заминирован, а тысяча двести человек у костров на насыпи каждый день в четыре часа слушают запись об эвакуации, которой нет. Сюда, с той стороны проходной, приходят трое: хакер, который не взламывает сети, а читает их — как читают кабель, костёр и человека; Сойка, слышащая лёд, собак и тех, кто внизу; и хромой турбинист Грач, который бьёт один раз. Под городом гудит «обрушенный» Объект, и кто-то оттуда пишет по-русски: «ЧИТАЕШЬ — ИДИ». Под заливом — стальная дверь, которую четыре года держит ладонями один человек. За дверью — опись сорока трёх входов и строка, написанная задолго до прихода героя: «ЧИТАЮЩИЙ — ОДИН НА ОПИСЬ. ЭТОТ». Чтобы двое дочитали, третий должен держать дверь. И не оборачиваться. Завершающая книга цикла «Хакер в Зоне»: Припять, Волгодонск и Тарков сходятся в одну строку — и в ответ на вопрос, кто на самом деле держит Землю.

© Панов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Огни	5
Глава 1. Свои	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Подземелья Таркова

Часть первая. Огни

Глава 1. Свои

Старик подвинулся на бочке, и я сел рядом с ним так, как садятся к костру после долгой дороги по холоду: сначала руки к огню, потом только лицо, потому что лицо за три часа по рельсам под снегом перестало быть моим и стало просто местом, куда бьёт мороз. Сойка опустилась на корточки с другой стороны бочки, не выпуская из кулака второй соль-камень, а Грач остался стоять на палке в шаге позади нас, потому что сесть он уже один раз сел на границе света и сказал, что считается, а садиться второй раз подряд турбинист не станет даже у огня.

Первые минуты никто ничего не говорил, и это было правильно: у костра, к которому подошли трое незнакомых, говорит тот, кто сидел тут раньше, а старик в сером молчал и смотрел на наши руки, как смотрят на руки на рынке, прикидывая, что человек умеет. Руки у меня были инженерные, с мелом на правом указательном, который я так и не вытер, и он это увидел и, кажется, понял больше, чем я хотел бы.

— Четыре года, — сказал он наконец, и голос у него был тот самый, глухой, каким говорят люди, которые давно не говорили вслух. — Четыре года сюда никто не приходил с той стороны проходной. Оттуда уходили. А вы пришли.

— Мы пришли из-за угла, — сказал я, потому что врать здесь было бессмысленно: Сойка проверяла каждого, и каждый, как выяснилось потом, проверял нас. — Из снега. Через проходную. Нас вёл тот, кто стоит у столба.

Старик кивнул так, как кивают здесь, и там, и везде, где не протягивают рук, и назвал себя: Прохор, бывший бригадир портовых докеров, последние четыре года — ждущий у третьего костра, если считать от насыпи, и первый, кому сегодня дали соль. Он сказал это без иронии, просто перечислил, как перечисляют анкетные данные, а потом достал из кармана на груди камень Сойки, посмотрел на него при огне и убрал обратно.

— Тот, кто стоит, — сказал он, — не водит. Четыре года не водил. Он только стоял.

— Теперь довёл, — сказала Сойка, и Прохор повернул к ней голову и посмотрел долго, как смотрят на тех, про кого уже слышали.

Я сидел и грел руки, а сам читал костёр, потому что это единственное, что я умею по настоящему. Бочка была ржавая, с прорезями, выбитыми зубилом аккуратно и равномерно, значит, у того, кто её делал, были время и инструмент; в ней горели доски от ящиков с клеймом, которого я не знал, и уголь, настоящий, антрацит, а значит, где-то рядом был склад, который ещё не растащили, или кто-то, кто уголь выдавал. Вокруг бочки сидели семеро, если считать Прохора, в брезенте, в одеялах, двое молодых в тёмных куртках с такими же щитами на плечах, как у человека у столба, только у этих нашивки были споротые и пришитые заново, криво, на другое место, и это тоже было написано, и я прочёл: они не из тех, кто стоит; они сняли со стоящих. Оружие у них было, я видел его по тому, как лежат куртки, и по тому, как один из них, когда я сел, переложил руку с колена на бедро, ближе к тому, что под полкой.

Сойка слушала. Я чувствовал это, не глядя на неё, по тому, как она дышит: она дышала редко, через нос, как дышат те, кто слушает дальше, чем видит, и голова её чуть вела вдоль откоса насыпи, от костра к костру, туда, где огней было столько, что они сливались в одну полосу света под чёрной, ровной, засыпанной снегом грядой с путями поверху.

— Их больше тысячи, — сказала она мне тихо, не поворачиваясь. — Не пятьсот. Я ошиблась от проходной: там были дымы, а здесь — люди. Тысяча двести, может, больше. Они не спят. Они ждут четырёх часов.

— Чего в четыре?

— Не знаю. Но все они знают. Все до одного считают, сколько осталось до четырёх, и это единственное, что здесь слышно хором.

Прохор, видимо, слышал нас, потому что сказал, не поднимая глаз от огня, что в четыре будет Объявление, и что Объявление бывает каждый день в четыре, и что нам лучше послушать самим, потому что рассказать это нельзя, это надо услышать. Он сказал это ровно, без надежды и без насмешки, как говорят о погоде, и я понял, что это и есть погода здесь: Объявление в четыре.

До четырёх оставалось около часа по моему счёту, который здесь ничего не стоил, и за этот час произошло то, из-за чего я до сих пор помню третий костёр лучше, чем все остальные.

Они пришли со стороны насыпи, трое, и пришли так, как ходят те, кто ходит здесь хозяином: не глядя под ноги и не обходя костры, а прямо через них, так что сидевшие подбирали ноги и одеяла, и никто не сказал им ни слова. Впереди шёл широкий, в хорошем, не ворованном зимнем камуфляже, с коротким автоматом на груди стволом вниз, за ним двое помоложе с рюкзаками, и у всех троих нашивки-щиты были не споротые и не перешитые, а свои, настоящие, пришитые фабрично, только поверх щита белой краской была нанесена косая полоса, и я прочёл это тоже: они были из тех, кто стоял, и перестали. Широкий остановился у нашей бочки, посмотрел на Прохора, потом на нас троих, задержался на палке Грача и на мешке у моих ног, и сказал без приветствия, как говорят кассиры:

— Взнос.

Прохор молча полез за пазуху, и я увидел, как у него дрожат пальцы, не от холода, а от того, что он четыре года делал это каждую неделю, и достал свёрток, тряпичный, перевязанный проволокой, и протянул. Широкий не взял, а кивнул одному из своих, тот развернул, посмотрел, сказал «мало», и Прохор ответил, что соль он сегодня получил, но соль не отдаст, потому что соль ему дали, а не он взял, и в его голосе впервые за этот час появилось что-то, кроме усталости.

— Соль, — сказал широкий, и посмотрел на Сойку, потому что он тоже умел читать, по-своему, и понял, от кого соль. — Трое, которые пришли через проходную. Нам про вас сказали. Вы ещё не в списке. В списке — все, кто хочет выйти. Взнос за место — с каждого. С вас — втрое, потому что новые.

— Какой список, — спросил я, хотя уже знал, какой: так всегда бывает там, где люди ждут; кто-то обязательно начинает продавать очередь.

— На эвакуацию. — Он сказал это без улыбки, как кассир называет цену. — Выход организован. Места ограничены. Кто в списке — тот выйдет. Кто нет — останется ждать. У вас есть что? Еда, патроны, соль, что угодно. Нет — так возьмём палку у хромого, у него хорошая палка.

Грач сказал сзади, негромко и без выражения, что палку он не отдаст, потому что палка не его, а Сойкина, и чужое он не отдаёт, и широкий повернулся к нему всем корпусом, как поворачиваются люди, привыкшие, что после такого поворота все замолкают.

Я встал.

Это надо записать так, как было, потому что я потом много раз пытался понять, почему я встал именно тогда, а не минутой раньше и не минутой позже, и пришёл к тому, что тело решило раньше головы. Восемь лет за клавиатурой не стёрли того, чему меня учили до того, а год в двух Зонах и шесть дней у снега вернули это обратно, и когда широкий положил ладонь на цевьё и шагнул к Грачу, я уже был между ними и уже держал его за ту руку, которой он держал автомат, не выворачивая, просто держа, так, чтобы он понял, что сдвинуть её не сможет.

— Он сказал: не отдаст, — сказал я ему в лицо. — Я читаю. Ты слышишь плохо. Повторяю: не отдаст.

Он был сильнее меня, это я почувствовал сразу, и моложе, и ел последние четыре года лучше, чем все вокруг, а я не ел толком две недели; но он был сильнее так, как сильные люди, которым давно никто не сопротивлялся, то есть не умел пользоваться силой против того, кто умеет. Он рванул руку на себя, я отпустил на полсекунды раньше, чем он ждал, и он потерял равновесие назад, а я шагнул за ним и забрал автомат так, как забирают у человека то, что он держит одной рукой, когда вторая ушла ловить равновесие: не силой, а углом. Ремень лопнул, потому что был старый, и автомат оказался у меня, и я сразу выщелкнул магазин, сунул его в карман и передёрнул затвор, чтобы патрон улетел в снег, а потом бросил пустое железо назад через костёр, в темноту, туда, где его придётся искать.

Двое с рюкзаками не успели ничего, потому что Грач сделал то, что умеет: шагнул вперёд на палке и ударил один раз, в грудь, открытой ладонью, тому, который стоял ближе, и тот сел в снег так, как садятся, когда из лёгких разом вышел весь воздух, а второй, увидев это, сам отступил на два шага и поднял руки, не вверх, а перед собой, как показывают, что не трогают.

Широкий встал. Он стоял и смотрел на меня, а потом на Грача, и на Сойку, которая не поднялась с корточек и не отвела глаз от его лица, и я видел, что он читает нас заново, и что прочитанное ему не нравится.

— Вы не выйдете, — сказал он. — Никто не выйдет без списка. Это не я придумал. Это так. — Он отступил, не оборачиваясь, как отступают те, кто ещё вернётся. — Голос вас слышал. Он решит.

Они ушли через костры, и никто не посмотрел им вслед, кроме нас и Прохора, который так и держал в руке свёрток, который у него не взяли, и смотрел на него, кажется, не понимая, что с ним теперь делать.

— Не бери, — сказала ему Сойка. — Положи обратно. Это твоё. Четыре года было их, теперь — твоё.

Он спрятал свёрток. Потом сказал, что я зря, что они вернутся впятером, и что до меня так делал один, год назад, у седьмого костра, и его потом нашли на путях на насыпи, и что с тех пор никто не делал, и я ответил, что я не делал, а просто не дал забрать чужое, и это разное, и он посмотрел на меня так, как смотрел Таможенник, когда я сказал, что уеду и войду — это разное.

Магазин я разрядил и выбросил патроны в снег по одному, подальше, потому что здесь, как и везде, где я был за этот год, оружие не доставали, а если доставали, то дело было плохо; и потому что мне нужны были руки, а не железо.

В четыре часа — по счёту тех, кто считал хором, — заговорили громкоговорители.

Их было много, по всей насыпи, старых, с жестяными раструбами на столбах, таких, какие стояли у нас на Станции и в Припяти на той стороне, и они включились не разом, а один за другим, с тем треском, с каким просыпается старая проводная сеть оповещения, и я прочёл по этому треску, что линия идёт от насыпи к городу, что усилитель один и стоит далеко, и что кто-то его включает рукой, потому что первые секунды был слышен фон, как бывает, когда микрофон уже открыт, а запись ещё не пошла.

Потом пошла запись. Женский голос, ровный, дикторский, с интонацией, которую ставят годами: «Внимание. Эвакуация населения организована. Сборный пункт — площадь у Радио-дома. Прибывающим иметь документы. Ожидайте дальнейших указаний». И снова, тем же голосом, через паузу: «Внимание. Эвакуация населения организована...» Три раза. Потом щелчок, и тишина, в которой тысяча двести человек у огней не шелохнулись.

Я смотрел на них, пока шла запись, и видел то, что видел у холма, когда Таможенник читал книгу: люди слушали так, как слушают то, чего ждали весь день, и в их лицах не было ни надежды, ни разочарования, а было только то, что остаётся после четырёх лет одного и того

же, — внимание, из которого ушло всё, кроме самого внимания. Прохор слушал с закрытыми глазами. Двое молодых с перешитыми щитами слушали, глядя в огонь. Никто не встал и не пошёл ни к какому Радиодому, и я понял, что никто не ходил туда уже очень давно, а запись крутят не для того, чтобы шли, а для того, чтобы ждали.

Сойка слушала иначе. Я видел это по тому, как она подняла голову не к ближайшему раструбу, а дальше, вдоль линии, к городу, и как у неё сжались губы на втором повторе, и как на третьем она положила ладонь на бочку, на горячее ржавое железо, и не убрала, как будто проверяла через металл то, что слышала через воздух.

— Под записью, — сказала она, когда стало тихо, — живой. Второй голос. Не диктор. Мужской, близко к микрофону, дышит. Он молчал, пока шла запись, и дышал. — Она убрала руку с бочки и посмотрела на ладонь: ожог, небольшой, она не заметила. — Он слушал, как слушают. Он их слышит так же, как я. Не ушами. Он знал, что мы сели у третьего костра, раньше, чем те трое ему сказали.

— Это Голос, — сказал Прохор, не открывая глаз. — Который за насыпью. Он всегда там, за записью. Он и есть запись. Четыре года.

— Нет, — сказала Сойка. — Запись — женщина, диктор, её нет давно, это плёнка. А он — живой, и он не дикторствует. Он думает. Я слышала, как он думает, и это было не про эвакуацию. Это было про нас.

Громкоговорители щёлкнули снова, все разом, и я успел подумать, что это конец, что усилитель выключают, и ошибся: включился микрофон, тот самый, который был открыт в начале, и в нём дышал человек. Он дышал секунд пять, пока тысяча двести человек слушали его дыхание, а потом заговорил, и это был не дикторский голос и не запись, а обычный мужской голос, усталый, с хрипотцой, каким говорят в радиостудии в четыре утра, и он сказал на всю насыпь:

— Дополнение к Объявлению. Трое, прибывшие сегодня через проходную. Один с палкой, один с мешком, одна без платка. — Пауза, в которой он снова дышал. — Вы не в списке. Явитесь на сборный пункт до утра. Один из вас читает, мне сказали. Мне нужен тот, кто читает. — И тише, не в микрофон, а себе, но микрофон был открыт, и тысяча двести человек это услышали: — Остальные мне не нужны.

Щелчок. Тишина. Насыпь не шелохнулась.

Я сидел у бочки с обожжённой рукой Сойки в своей руке — я взял её, чтобы посмотреть ожог, и забыл отпустить, — и читал то, что только что услышал, так, как читают строку, которая появилась на экране там, где должно было быть пусто: по-нашему, адресно, с ошибкой в одном слове. Он сказал «мне сказали». Трое с полосами на щитах дошли до него за час, по снегу, через насыпь, и успели доложить до четырёх. Значит, у них была связь. Не ноги — связь. А у связи здесь был только один вид, и я знал, как она называется, потому что видел её строку на чёрном экране у человека у столба: «СЕТЬ: 1».

— Он нас позвал, — сказал Грач сзади, и это были первые его слова за час. — Как тогда, в первой Зоне. Через ящик на башне. — Он переступил палкой. — Тебя позвали. Нас — нет.

— Нас — нет, — повторила Сойка, и в её голосе было то, что я слышал у неё только один раз, у снега, когда она сказала «я боюсь». — Он сказал: остальные не нужны. Он не врал. Он думал это вслух.

Прохор открыл глаза и посмотрел на меня, и в его лице было то, чего не было весь час: он смотрел так, как смотрят на человека, который только что стал опасен для всех вокруг.

— Теперь вы в списке, — сказал он. — В другом. Голос не зовёт дважды. Он пришлёт.

Я отпустил руку Сойки, достал из мешка свёрток Бабы, отломил на ожог, и подумал, что до утра здесь осталось часов двенадцать, если здесь вообще бывает утро, и что за эти двенадцать часов мне надо понять, где стоит усилитель, откуда идёт линия, что за сеть у тех, кто ходит с полосами на щитах, и почему человек, который четыре года крутит плёнку, в которую никто не верит, вдруг сказал в микрофон правду.

Сойка встала первой. Она отряхнула снег с колен, посмотрела на насыпь, на тысячу двести человек, которые снова ждали завтрашних четырёх часов, и сказала:

— Они услышали. Все. Что ему не нужны остальные. — Она повернулась ко мне. — Один у третьего костра встал. Ещё утром. Теперь встанут другие. Не из-за нас. Из-за того, что он сказал вслух то, что они четыре года слышали под записью и не хотели слышать.

Я посмотрел на Прохора. Он сидел на своей бочке, с которой подвинулся для нас, и смотрел на свёрток в руках, который у него не взяли, и на лицо его из огня ложился свет так, что я впервые увидел, сколько ему лет: не шестьдесят, как мне показалось у границы света, а меньше, много меньше, просто четыре года ожидания считаются за десять.

— Я не пойду на сборный пункт, — сказал я ему и Сойке, и Грачу, и, наверное, тому, кто дышал в микрофон, если он ещё слушал нас оттуда, откуда слушал. — Я пойду туда, откуда идёт линия. Это разное.

Прохор поднял голову, и я увидел, как он это читает, медленно, как читают люди, которые четыре года не читали ничего, кроме огня, и как дочитывает.

— Линия идёт к Радиодому, — сказал он. — Через депо. Там тоже ждут, там тише. — Он помолчал. — Я покажу. Я бригадир. Я четыре года не показывал никому ничего.

Он встал с бочки. Это было второе событие того дня, которое я помню лучше первого, хотя первым я дрался, а во втором старик просто поднялся на ноги; но когда он встал, у двух соседних костров встали ещё двое, не сговариваясь, просто потому, что увидели, как встаёт тот, кто сидел тут дольше всех, и Сойка сказала мне тихо, не оборачиваясь к ним:

— Три. Сегодня — три. Он сказал «остальные не нужны», и трое встали. — Она подняла воротник. — Голос ошибся. Он сказал правду не тому, кому надо.

Со стороны насыпи, издалека, с путей, где никого не было видно, щёлкнул одиночный выстрел, и пуля ушла в бочку с другой стороны от Прохора, пробив ржавое железо насквозь и вышибив искры в снег, и семеро у нашего костра легли, как ложатся люди, которые знают этот звук, а я уже стоял за бочкой, уже держал Сойку за плечо, прижимая вниз, и уже читал откос насыпи, где над снегом, в двухстах шагах, на фоне чёрного неба что-то коротко блеснуло и погасло.

— Не целился, — сказала Сойка снизу, из-под моей руки, очень спокойно. — Он стрелял в бочку. Это — чтобы встали обратно.

Никто из троих вставших не сел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.